

О том, что великие заслуги семьи Ли колют глаза императору и над их шеями уже занесли топор, Ли Наньчжу догадался еще в трехлетнем возрасте, не проучившись в школе и двух недель. Тогда же он придумал и решение: их роду больше нельзя являть миру выдающихся людей. Те, кто уже успел прославиться своими талантами, разумеется, не в счет.

Идеальным выходом было бы пустить по миру слух о каком-нибудь изнеженном и разбалованном княжеском отпрыске — лоботрясе, который только и делает, что бьет баклуши, задирает прохожих и сияет ослепительной, но абсолютно пустой красотой.

Конечно, в три года Наньчжу не мог разложить все по полочкам, а потому лишь туманно лепетал, что мечтает вырасти праздным гулякой.

— Да откуда тебе знать, кто такие гуляки? — посмеивался над младшим братом Ли Наньчжан, бывший в ту пору еще наследным сыном великого князя. Он накрыл лоб малыша широкой, как веер, ладонью и повернулся к отцу: — Наверняка просто не может проснуться ни свет ни заря. Да и верно, чего в этих книжках не видали? Не хочет учиться — и не надо, пусть подрастет немного.

За такие слова старший тут же схлопотал от отца нагоняй:

— Ему уже четвертый год пошел, а он все в школу ни ногой!

— Мне три, — пискнул Ли Наньчжу, умильно выставив перед отцом три пухлых пальчика.

По меркам его прошлой жизни, в три года положено ходить в детский сад: сидеть на крошечных стульчиках, уплетать завтраки с обедами, спать в тихий час, играть да ждать, когда заберут домой. Здесь же, в древности, его поднимали в шесть утра, заставляли зубрить «Троесловие» и «Сто фамилий», да еще учили правильно держать кисть.

Освоить-то это можно, но не в три же года!

Наньчжу желал лишь бить баклуши, а не губить здоровье над фолиантами у холодного окна от рассвета до заката. В конце концов, метить в первые ученые мужи империи он не собирался.

В прошлой жизни он честно отдал девять лет обязательной школе, три года — старшим классам, четыре года — университету, а потом еще три года пахал как проклятый офисный раб. В этой жизни судьба милостиво поднесла ему золотую ложку. Какой смысл надрываться? Пусть другие лезут из кожи вон, а он умывает руки.

— Вырастешь бездельником — люди засмеют. Никакого ремесла знать не будешь. Неужто всю жизнь собрался под крылом предков прятаться? — пожурил его отец.

Но стоило старому князю Ли взглянуть на пухлые щеки и невинный взгляд своего позднего

ребенка, как в голову пришла успокаивающая мысль: их семейного добра хватит на несколько поколений вперед. Даже если этот малец будет сорить деньгами направо и налево, пустить род Ли по миру у него не выйдет при всем желании.

Ли Наньчжу с размаху обхватил старшего брата за ногу.

— Отец, меня брат прокормит!

— Ха-ха-ха! И то верно, прокормлю! — расхохотался Наньчжан. — Ловок же ты, поросенок!

За эти слова старший немедленно получил от отца затрещину.

— Как ты брата называешь?! — взревел отец. — Если он поросенок, то я тогда кто? А ты кто такой?

— Брат — большой кабан! — радостно вставил свои пять копеек Наньчжу.

Будет знать, как вечно зубоскалить над его именем! «Наньчжу» звучит точь-в-точь как «поросенок». Впрочем, если брат берет его на поруки, то почему бы и не побыть домашней хрюшкой? Хе-хе.

Потирая ушибленный нос, Наньчжан повинился перед отцом, сгреб младшего в охапку и утащил играть в сад. С того самого дня учеба для Наньчжу была отложена на неопределенный срок.

Годы до пяти лет остались в его памяти самыми счастливыми и безмятежными.

Несмотря на несметные богатства, высокое положение и вековую историю — еще во времена правления императора Шэнпина роду Ли пожаловали титул князей с иной фамилией, возвысив их над прочей знатью, — в их доме царили простота и веселье. Жили они дружно, как обычные люди, без коварных интриг и подковерной борьбы за власть, коими славятся знатные семьи.

Конечно, совсем избежать учебы не удалось: в шесть лет его все же усадили за книги. Проучился он несколько лет, да только толку вышло мало: знания остались отрывочными, а почерк — корявым. К тому времени Наньчжу уже подрос и мог без запинки обосновать «глубокий философский смысл» своего безделья. Старший брат с невесткой души в нем не чаяли и не докучали строгостью, так что на его скромные успехи в науках попросту закрывали глаза.

Младшему позволялось буквально все. Князь Ли даже любил послушать, как брат мелет чепуху — особенно его рассказы про «занесенные над их шеями топоры». Наньчжу преподносил это так увлекательно, будто читал захватывающий роман.

Вот и сейчас было так же.

Едва Наньчжан закончил пересказывать содержание посланий императора Юаньхэ, Ли Наньчжу скептически хмыкнул. Пропустив мимо ушей намеки брата о сватовстве, он потер подбородок и принялся рассуждать, словно заправский детектив:

— Брат, этой байкой только детей пугать. Неужто мы с тобой на нее купимся? Тут явно кроется заговор. С чего бы венценосным особам позволять мне копаться в их принцах, как в лавке с тканями? Я ведь гэер, да еще и в летах, а репутация у меня — краше некуда. Чего ради императорскому двору так извращаться?

Старший брат не потерпел, чтобы Наньчжу так отзывался о себе, и с жаром возразил:

— Еще чего выдумал! Я видел этих щенков несколько лет назад в столице. Самые заурядные юнцы, ничего выдающегося. Если кому-то из них посчастливится взять тебя в супруги, они должны будут до конца дней молить богов и жечь благовония в знак благодарности!

«Брат, твои речи прямо-таки списаны с монологов мятежных князей-злодеев из романов», — мысленно усмехнулся Наньчжу.

Наньчжу все больше убеждался, что их род идет прямым по проторенной дорожке классической трагедии о павших вельможах.

— Не хочешь ехать — и не надо, просто откажемся, — подытожил Наньчжан, заметив молчание брата. Для него это делом государственной важности не казалось. — Как по мне, наша область Чжаочжоу куда лучше. Положишь на кого глаз — приведем его в дом зятем.

В роду Ли действительно издавна бытовал обычай принимать мужей в свою семью.

Наньчжу притворно загорелся этой идеей и с восторгом спросил:

— А если мне кто-то приглянется, ты pomoжешь мне его выкрасть?

— Ну уж нет, — покачал головой князь, — простых людей притеснять негоже.

Даже у праздного повесы из рода Ли имелись свои нерушимые границы. Безобразничать дозволялось лишь в рамках приличия.

Наньчжу спросил это лишь ради забавы, надеясь перевести тему и избавить себя от разговоров о женитьбе. Братья не спеша позавтракали, совмещая трапезу с полуденным обедом. Когда напольные европейские часы гулко пробили полдень, великий князь поднялся, засобиравшись домой, и наказал младшему беречь силы и хорошенько вздремнуть.

Провожая брата с невесткой, Наньчжу не удержался и завел разговор снова.

— Брат, Сяо Няню ведь всего пятнадцать, а Его Величество уже подбирает ему пару? Не рановато ли? — Он ведь еще совсем ребенок, по меркам прошлой жизни — обычный школьник.

Наньчжу понимал, что сам дает брату повод перевести стрелки на его собственную женитьбу, но любопытство взяло верх: в прошлый раз он забыл спросить об этом из-за суматохи.

Наньчжан скользнул взглядом по лицу младшего и на удивление не стал зубоскалить, а лишь негромко произнес:

— Поговаривают, императорский внук совсем плох здоровьем. Похоже, Его Величество спешит продолжить род покойного наследного принца...

— Да за кого они его держат? За племенного быка? — Ли Наньчжу вспомнил болезненного Сяо Няня из своего сна, и на душе у него стало тоскливо от жалости к этому мальчишке. — Столько лет прошло, а его так и не выходили? К чему такая спешка?

Наньчжан хоть и правил отдаленной областью Чжаочжоу, но столичные веяния ловил чутко. Не таясь от брата, он пояснил:

— Он единственный сын покойного наследного принца. Его Величество дряхлеет, пора утверждать преемника. Кого выбрать — старшего, законного, способного или же императорского внука? Дальновидные люди уже сейчас строят козни. Пусть шансы императорского внука-преемника занять престол и невелики, его недоброжелатели предпочли бы задушить саму возможность в зародыше.

— Ли Яннень слаб от рождения. Разве можно доверить бразды правления Великой Ли немощному калеке?

Этой последней фразой Наньчжан в точности передал мысли столичных сановников.

Ли Наньчжу же невольно вспомнил свой кошмар: Сяо Нянь на драконьем троне, а с его одежды на золотые плиты каплет алая кровь.

— Брат, зачем ты все это рассказываешь? Неужто хочешь, чтобы я отправился в столицу? — Наньчжу почуял некое смятение в поведении старшего. Тот словно колебался, то желая отослать его, то стремясь удержать при себе.

Наньчжан с теплотой улыбнулся:

— Мой младший брат умен как никто другой. Рад, что ты не растерял остатки разума.

— Братец, я никогда не был дураком.

Кивнув, великий князь вздохнул и, немного поразмыслив, высказал то, что лежало на сердце:

— Род Ли подобен могучему дереву, которое притягивает бурю. Со времен правления императора Гуанву и по сей день на нас устремлены сотни завистливых глаз. Не раз и не два тайные враги пытались извести нас под корень...

«Ну надо же, ты наконец-то понял, насколько грозное положение мы занимаем», — подумал маленький уездный князь, едва не прослезившись от облегчения.

— Но знаешь ли ты, почему наши ветви в Чжаочжоу и в столице до сих пор крепко держатся за землю?

— Корни слишком глубоки, — рассудил Наньчжу. — Даже если нас вздумают рубить, на это уйдут годы. А коли рухнет такое исполинское дерево, оно раздавит и саму Великую Ли.

— Не без этого. Но главное — род Ли предан престолу душой и телом. Мы — верные слуги государя, хранящие верность заветам императора Гуанву. — Заметив, что брат все понимает с полуслова, Наньчжан не стал углубляться в политику и вернулся к теме престолонаследия: — Судя по намекам в государевых письмах, Его Величество действительно склоняется в пользу слабейшего кандидата. Однако при дворе сейчас черт ногу сломит от обилия фракций. Император — Сын Небес, но старость берет свое, и он уже не может править единовластно, не оглядываясь на чужое мнение.

Когда челядь начинает помыкать господином — это скверно, но в палатах императорского дворца творится ровно то же самое. Нынешний правитель мягок нравом, а если говорить начистоту — слаб волей и легко поддается чужому влиянию. Он рад бы возвысить внука, да только поддастся уговорам придворных нашептывателей — и тут же идет на попятную. К тому же здоровье Ли Яннзя внушает серьезные опасения. Даже если его нарекут наследником, доживет ли он до восхождения на трон — огромный вопрос.

Перед глазами Наньчжу вновь поплыл образ Сяо Няня в окровавленном платье. Император Юаньхэ всей душой желал передать власть именно ему, но в итоге...

Он так глубоко ушел в свои мысли, что едва не пропустил мимо ушей последние слова брата:

—... Его Величество надеется, что этот брак вынудит наш род выступить живым щитом и принять весь удар на себя.

— Что?! — Наньчжу уставился на брата округлившимися от изумления глазами. — Брат, ты с ума сошел? Сяо Нянь мне в племянники годится! Он же ребенок!

Наньчжан лишь недоуменно хмыкнул:

— Какой он тебе племянник? Да, наши предки когда-то породнились, но с тех пор сменилось столько поколений, что кровное родство давно сошло на нет.

Заметив, что младший не на шутку перепугался, Наньчжан поспешил его успокоить:

— Ты явно прослушал половину моих слов, витая в облаках. Это лишь мои догадки касательно помыслов государя. Но даже если я прав, у рода Ли отродясь не было обыкновения родниться с правящей династией. Мы не метим в прихлебатели при дворе, так что союзу этому не бывать.

— Впрочем, из всей моей длинной речи ты выцепил только весть о женитьбе на императорском внуке. Неужто тебе пришелся по душе...

— Вовсе нет! И в мыслях не было! Я же не зверь какой-то! — выпалил Наньчжу, спешно открещиваясь от подобных подозрений.

Ли Яннень для него оставался названным племянником, и никем иным!

Пусть во сне юноша и вырос писанным красавцем, Наньчжу испытывал к нему исключительно родственные чувства. Да даже если бы его и потянуло на мужчин, при одной мысли о том, что сам он теперь — гэер, всякая страсть мгновенно улетучивалась. Накатывала такая апатия, что хоть сейчас бери в руки колотушку, бей в деревянную рыбу да читай сутры в буддийском монастыре.

Наньчжан так и покатился со смеху:

— Да ладно тебе! Коли мил он тебе, брат мигом все устроит, только слово скажи.

— Значит, простых людей воровать грешно, а замахнуться на императорского отпрыска — милое дело? — Наньчжу сразу понял, что над ним подшучивают, и задрал нос: — Ну, коли так, притащи его сюда. Пусть будет моей послушной женушкой!

Его Величество вознамерился сделать юношу наследником престола, какая уж тут «послушная женушка»!

— Эх ты. Если бы ты говорил серьезно, я бы действительно мог сослужить тебе эту службу, — вздохнул Наньчжан.

У государя сыновей пруд пруди: есть и законные, и добродетельные, и сметливые. Императорскому внуку по-настоящему будет спокойно только вдали от столичной мышеловки.

— Пощади, братец, молю тебя! — Ли Наньчжу вздрогнул. От подобных бунтарских речей старшего у него мороз шел по коже.

Ли Наньчжан разочарованно покачал головой:

— Ну, на нет и суда нет.

Гибель покойного наследного принца до сих пор оставалась незаживающей раной. Если в жилах его сына течет горячая кровь и у него есть хоть капля гордости, он ни за что не сбежит из столицы под чужое крыло.

Впрочем, пусть императорская свора грызется как знает.

Проводив старших родственников, Наньчжу устроился на плетеном кресле-качалке прямо во дворе, подставив лицо ласковым лучам. Октябрьское солнце в Чжаочжоу приятно согревало, навевая дремоту, и вскоре он незаметно провалился в сон.

Ему снова привиделось прошлое. На сей раз обошлось без ужасов — это были лишь обрывки воспоминаний ушедшей юности.

Ли Яннян гостил в их поместье под чужим именем, скрывая свое высокое происхождение.

«Зачем ты его задираешь?!»

«Не бойся, Нянянь. Пока дядя рядом, никто и пальцем тебя не тронет!»

«Сам виноват, нечего было называть меня дядей!»

В детстве Наньчжу действительно любил важничать и строить из себя покровителя.

Когда он открыл глаза, старые воспоминания подернулись легкой дымкой, словно их затянуло полупрозрачным флером. Лишь голос окровавленного Ли Янняня, шептавшего: «Дядюшка Наньчжу», — до сих пор отчетливо звучал в ушах.

«Тьфу ты, чертовщина какая-то...»

Наньчжу поспешно сплюнул через плечо.

Надо же такому привидеться при ясном солнышке!

Три дня пролетели незаметно. Все это время Ли Наньчжу предавался своим привычным нехитрым радостям: сытно ел, долго спал, разгуливал по улицам со своей собакой, а когда небо затягивало тучами, коротал часы за рисованием картинок. В один из дождливых дней он устроился в боковой гостиной, замороженно глядя на струи воды, стекавшие с крыши подобно жемчужным нитям.

Из глубины дома показалась служанка Чжу Лин с легким меховым плащом в руках.

Даже не повернув головы, Наньчжу задумчиво протянул:

— В такую сырость неплохо бы отведать горячего котла.

— Коли хозяин желает, я мигом велю накрыть на стол, — отозвалась девушка.

— Не нужно, поем у брата, — отмахнулся Наньчжу и, поднявшись, забрал у нее плащ. Набросив его на плечи, он принялся сам завязывать тесемки. — У него всегда полно всяких диковинных яств, да только бульон здешние повара варят не на мой вкус.

Чжу Лин послушно отступила на шаг. Ее господин не любил излишней услужливости и предпочитал одеваться сам.

— Тогда я велю нашему шеф-повару Ли собрать все необходимое и отправить к князю, — предложила она.

— Хорошо. Подавай экипаж.

Поместье князя Ли и усадьба уездного князя стояли бок о бок, однако в те времена подобные владения поражали своими масштабами. Начать хотя бы с того, что главное имение заложили еще при императоре Канцзине, когда предки рода Ли только пошли в гору по службе. С тех пор усадьба неустанно разрасталась, а после того как при Шэнпине роду пожаловали княжеский титул, ее и вовсе перестроили по высшему разряду.

В своей прошлой жизни Наньчжу однажды покупал билет во дворец князя Гуна в столице — так вот, поместье его старшего брата по размаху ничуть не уступало тому историческому памятнику, разве что его собственная усадьба была чуточку скромнее.

В гостях у брата Наньчжу баловали пуще прежнего. Стоило привратникам завидеть его повозку, как они расплывались в улыбках и бросались открывать ворота с таким рвением, какого не удостаивался даже сам хозяин дома. Маленькому уездному князю дозволялось входить без доклада в любое время дня и ночи.

Миновав ворота, он без задержек покатил по усадьбе и у самого крыла столкнулся со своим родным племянником, который как раз собирался уезжать.

Старший сын его брата и невестки, Ли Мукэ, был на целых четырнадцать лет старше самого Наньчжу — в этом году ему исполнилось тридцать три.

— Приветствую вас, дядюшка, — почтительно поклонился племянник.

Наньчжу с достоинством, как и подобает старшему в роду, кивнул:

— Далеко собрался в такую хмарь? Смотри не простудись, одет совсем налегке. Вернись-ка да накинь что-нибудь потеплее.

— Благодарю за заботу, дядя. И впрямь зябко стало. Пока в доме сидел, не замечал, а как ветром обдало — так сразу задрожал. Пожалуй, вернусь и оденусь потеплее.

— Вот и славно. Будь умницей.

Одобрительно похлопав племянника по плечу, Наньчжу неторопливо направился во внутренние покои. Со стороны их отношения казались верхом семейной идиллии, но на деле все обстояло несколько иначе. В детстве они частенько вздорили — точнее, зачинщиком всегда выступал сам Наньчжу.

А все потому, что этот негодник повадился нянчиться с ним, словно с несмышленищем.

На словах величал дядей, а сам усаживал его играть со своим малолетним сыном — который по старшинству приходился Наньчжу внуком! Да еще и наказывал трехлетнему мальчишке уступать во всем дядюшке, которому тогда уже исполнилось шесть! Какое неслыханное унижение! Позор на весь княжеский род!

С тех пор Наньчжу из принципа напускал на себя важность и поучал племянника при каждом удобном случае.

Ли Мукэ воротился в дом, посмеиваясь себе в усы. Его супруга, госпожа Цинь, завидев мужа на пороге так скоро после ухода, лишь понимающе улыбнулась. Узнав от слуг о визите гостя, она без труда разгадала причину возвращения:

— Снова повстречал дядюшку? Не зли его понапрасну, он этого не любит.

— Да помилуй, я вел себя тише воды, ниже травы, — добродушно отозвался Мукэ.

Он в красках расписал жене давешнюю беседу и со смехом добавил:

— Ты бы видела, с каким важным видом он меня отчитывал! Дядя, небось, сейчас сияет от

гордости за свой авторитет.

— Да ведь он прекрасно понимает, что ты ему просто подыгрываешь, — улыбнулась Цинь.

— Жаль, у меня встреча назначена, иначе остался бы дома, — со вздохом протянул Ли Мукэ, но тут же оживился и подмигнул супруге: — Слушай, на днях возьми нашего Да-лана и веди его выразить почтение дядюшке.

Узнай об этом Наньчжу, он бы наверняка принялся рвать на себе волосы от досады. Ну что за ехидный прохвост! Решил нанести удар в самое больное место. Да-лан ведь приходился ему внуком, будучи при этом всего на три года его младше!

Какая наглость! От этого паршивца вовек не дождешься ничего хорошего.

Впрочем, уездный князь ни о чем не догадывался. Наговорившись всласть с невесткой и вытребовав себе порцию ласки, он со спокойной совестью устроился за чужим столом. По случаю ненастья великий князь тоже остался дома. Братья мирно сидели на широком мягком ложе, разделенные низким изразцовым столиком, на котором выстроились пиалы с орехами и свежей простоквашей.

Наньчжу увлеченно щелкал кедровые орешки, без устали перечисляя любимые лакомства: от сочной баранины и тончайших ломтиков рыбы до нежных креветочных клецок. Старший брат благодушно поддакивал, качая головой в такт его словам. За суровой, чисто воинской внешностью великого князя скрывался проницательный ум: он прекрасно видел, что брат неспроста ходит вокруг да около, и не собирался томить его расспросами.

— Хорошо, что заглянул, — прервал он гастрономические излияния Наньчжу. — Помнишь, государь звал тебя в столицу на празднование Нового года, а я поначалу хотел наотрез отказать? Ты ведь сам твердил, что наш род слишком мозолит глаза двору. В таких делах на бумаге надобно выказать предельную покорность и смирение. Твой слог куда изящнее моего, помоги-ка составить вежливый ответ.

С этими словами князь протянул брату свиток с черновым наброском доклада.

Наньчжу не торопился разворачивать бумагу. Тщательно разжевав орех, он устремил на брата нарочито умный взгляд:

— Брат, ты ведь сейчас надо мной не подшучиваешь?

Его извечное оправдание, мол, «мы на виду у всех, посему мне суждено прослыть бездельником», давно стало в семье притчей во языцех.

Все домашние были свято уверены, что он выдумал эту красивую сказку исключительно ради

того, чтобы безнаказанно отлынивать от уроков и дрыхнуть до полудня. Честно говоря, доля истины в этом присутствовала.

Да и о какой «учености» могла идти речь?

Окрестить первого шалопая Чжаочжоу, уездного князя Ли Наньчжу, знатоком словесности — это ли не шутка века?

— Брат, я ведь и впрямь не глуп, — буркнул Наньчжу.

— Да кто посмеет назвать тебя глупым? Я первому же язык укорочу! — картинно возмутился Наньчжан. — Твой ум глубок и чист, ты зришь в самый корень вещей, просто не любишь утруждать себя суетой. С пеленок ведь росмышленным малым...

О боги, от этой слепой родственной любви у Наньчжу едва пальцы на ногах не свело от стыда.

Пора было переходить к делу.

— Ладно, отложи свиток, — Наньчжу мягко оттолкнул бумагу. Советники в поместье не зря ели свой хлеб, и без его каракулей справятся. Он щелкнул очередной орешек и, отправив его в рот, невнятно пробормотал: — Коли начистоту... я ведь в столице ни разу не бывал. Отчего бы не съездить, не поглядеть на тамошнее веселье? Но только без глупостей! Мои помыслы касательно Сяо Няня чисты как родниковая вода. Это исключительно забота старшего о младшем!

— Он ведь еще совсем ребенок!

— О женитьбе и речи быть не может!

— Я поеду просто развеяться да мир посмотреть.

Вот именно!

<http://bllate.org/book/19962/1990177>